

ствующее законодательство, упраздняющих как уголовную, так и административную ответственность за потребление наркотиков.

⁴ Исследование проведено в 1996 г. в рамках областной программы "Молодежь". Программа и методика его проведения были разработаны социологической группой под руководством профессора В. С. Рахманина. Опросом было охвачено 1000 юношей и девушек, проживающих в Воронеже, малых городах и сельской местности, в возрасте от 16 до 24 лет.

⁵ При расчете индексов учитывались мнения как респондентов, достаточно и в основном информированных, так и тех, кто слабо или полностью не информирован, и вычислялась средняя индексная оценка.

⁶ По данным Воронежского областного наркодиспансера, на 1 января 1996 г. на учете состояло 864 наркомана и 66 токсикоманов.

Е. А. Кротков

АНАТОМИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ

Нет большего несчастья для человека,
как сделаться мисологосом*

Платон

1. Существуют три феноменологически трудно увязываемые, но ноуменально спаянные предпосылки для выживания культуры и человека: дух, вера и разум. Дух — это свобода и творческая активность. Вера дает надежную систему жизненных ориентиров (нравственных абсолютов). Благодаря разуму человек познает мир, отличает в нем добро от зла.

Завершающийся XX век войдет в историю как время трагических экспериментов в области духа (тоталитаризм) и веры (воинствующий атеизм). Аналогичный эксперимент затевается, похоже, и в отношении разума. Свидетельство тому — разрастающаяся, как раковая опухоль, иррационализация современной философии, ее обостряющаяся враждебность по отношению к рациональным методам мышления, перманентное размывание ею границ научной рациональности. Философская оппозиция логоцентризму (так именуют ныне ориентацию культуры на ценности и критерии разума) возникла во второй половине текущего столетия в самом центре, в цитадели рационалистической технологии мышления — в методологии науки. Устами одного из ее лидеров (П. Фейерабенда) было откровенно заявлено: роль ученого состоит не в том, чтобы "искать ис-

* Мисологос (греч.) — ненавистник разума

© Кротков Е. А., 1997

тину", а в том, чтобы "делать слабое более сильным", как говорили софисты. А потому существует лишь один (универсальный) методологический принцип — "допустимо все"¹.

Не слишком ли велика цена подобного рода профилактики от догматизма и застоя в науке? Ведь жертвуется при этом и сама наука, поскольку ликвидируется всякая дистанция между наукой и ненаукой. Примечательна в этом отношении ультрасовременная философия деконструктивизма (постмодернизма). В ней демонстративно — в противовес традициям рационалистического философского дискурса — демонтируется граница между смыслом и бессмыслицей, знанием и мнением, истиной и заблуждением. Длинный ряд скептиков из античного клуба Пиррона пополнился ныне именами таких столпов деконструктивизма, как Деррида, Лиотар и Делез. Систематизированность и методичность мышления, его последовательность, определенность и обоснованность, т.е. все то, что привносят в мышление разум, логика, научная рациональность, стало для них синонимом ретроградности и антигуманности.

Однако в философии как мыслящем мировоззрении продуктивно работать, не утруждая себя муками рациональной реконструкции интуитивных прозрений, никому не дано. Если в философских текстах логика и смысл заменяются игрой произвольных ассоциаций и семантическими катаклизмами, то коммуникативный порог и доказательность такого дискурса опускаются до нуля. Я же убежден: философ имеет право общаться с миром только на языке с прозрачной логико-семантической инфраструктурой. В противном случае возникает вполне обоснованное подозрение: а не водят ли нас попросту за нос? Один лишь пример. Логоцентризм, утверждает Деррида, есть то же самое, что и фаллоцентризм: "Это одна и та же система: эрекция отеческого логоса... и фаллоса как "привилегированного знака"². Это ли не пример "игр для того, чтобы подорвать авторитет самого разума", в которые и призывал играть П. Фейерабенд³.

Волны иррационализма в нынешней России идут, как это ни странно, и от открываемых нами сегодня работ выдающихся философов серебряного века русской культуры — Бердяева, Лосского, Флоренского. Их философские построения сходны не только в ориентации на религиозный опыт, но и в потугах "выпрыгнуть" за пределы понятий, в жалобах на неохватываемость понятиями и на невозможность выразить в них религиозные переживания. Это противоречит их же призывам к учету названного опыта в философском дискурсе.

Очередная попытка иррационализации познания осуществляется ныне в рамках философской интерпретации человеческого понимания. Под предлогом преодоления некоего "разрыва" между гносеологическим и аксиологическим измерениями знания, дильтеевской

оппозиции наук о природе и духе, неокантианской дихотомии индивидуализирующего и генерализирующего методов научного исследования производится своеобразная деконструктивизация понимания посредством ассоциирования разнородных характеристик познания, акцентирования интуитивных его элементов и, главное, де-логизации самого феномена понимания. Между тем понимание всегда считалось формой логико-рационалистического освоения объекта (Платон, Кант, Гегель), и нет разумных оснований для отказа от этой классической традиции. Если же и существует некая интуитивно-индивидуализирующая, внерациональная форма постижения (познания), то следовало бы в лучших логико-рационалистических традициях обозначить ее каким-либо иным термином, а не устраивать терминологический коктейль.

2. В связи с изложенным сформулируем несколько тезисных положений относительно "анатомии" понимания, снимающих, как мне представляется, иррационалистический флер с этой важнейшей процедуры человеческого искания истины. Во всяком случае, деконструктивистским интенциям мы просто обязаны противопоставить попытки рациональной реконструкции феномена понимания.

Термин "понимание" происходит от двухместного предиката "X понимает Z", где X — субъект, а Z — объект понимания. В качестве субъекта понимания может выступать не только человек (его сознание), но и искусственная интеллектуальная система. Объектами понимания (Z) могут быть: а) текст; б) невербальное явление культуры, в котором тем или иным образом запечатлен (опредмечен) некий смысл (замысел); в) природное явление, ставшее предметом практической или познавательной деятельности.

С объектом типа а) связано коммуникативное понимание. Оно состоит в распознавании субъектом X смысла (чувств, мыслей, намерений и т.п.) J, который "вкладывает" другой субъект Y в текст Z, и при этом существует некая лексическая традиция или же специальная система семантических правил, детерминирующая идентичность интерпретации значимых единиц текста Z названными субъектами. Усвоение содержания речи, смысла прочитанного — примеры такого понимания.

С объектом типа б) связано понимание-распредмечивание. Оно заключается в "расшифровке" (распознавании) субъектом X заданного субъектом Y содержания (смысла) J социокультурного явления Z. И здесь этим содержанием могут быть человеческие чувства и отношения, идеи, цели, намерения и т.п., опредмеченные в структуре и фактуре объекта понимания. Расшифровка "останков" древних культур, истолкование исторических фактов, осмысленное восприятие произведений искусства — примеры понимания-распредмечивания, основу которого также составляет некий тезаурус, обеспечи-

вающий транслируемость и единство (преемственность) человеческой культуры.

С объектом типа в) связано эпистемологическое понимание. Оно заключается в мысленном (знаковом) воспроизведении (отражении) субъектом X существенных признаков, структуры (строения) объекта Z, причин и условий его возникновения, закономерностей его функционирования и т.п. Образование новых понятий, создание теорий, объяснение явлений природы — примеры процедур, ведущих к эпистемологическому пониманию.

Коммуникативное понимание и понимание-распредмечивание (будем их называть семиотическим пониманием) имеют знаковую (семиотическую) природу. Здесь за языковыми выражениями, структурой и фактурой явлений культуры Z стоит определенное содержание (смысл) J, вкладываемое в Z его "отправителем" Y, усвоение (или расшифровка) которого субъектом X составляет цель рассматриваемого понимания. Механизм семиотического понимания может быть описан в терминах диагностики: субъект X распознает по форме объекта Z содержание J, поскольку располагает идентичной с X системой семантических связей "знак—смысл—значение" относительно каждого значимого элемента Z. Различия в понимании типа а) и б) состоят, преимущественно, в языковых средствах общения: в первом случае этими языками являются естественные (натуральные) языки, во втором — "языки", построенные на знаках-индексах и иконических знаках.

Проблема семиотического понимания заключается в идентификации тезаурусов языков получателя сообщения (субъекта X) и его отправителя (субъекта Y). Семантическое рассогласование этих языков и приводит к известному феномену непонимания (тютчевскому "другому как понять тебя?") Решение названной проблемы с логической точки зрения состоит в поисках адекватных "переводов" значимых единиц объектов семиотической природы, идентичных законов (правил) их композиции.

Существенно иную природу имеет эпистемологическое понимание. Его основу составляет не связь знака со смыслом, а принадлежность признака предмету (явлению). Поэтому эпистемологическое понимание не может быть усвоением, расшифровкой, распознаванием смыслов, как нередко утверждается в литературе. Оно есть творение (создание, изображение) этих смыслов в формах знания (идей, понятий, теорий). У явлений природы нет смысла, а есть их структура (организация), качество, свойства и т.п. Эпистемологическое понимание — это своеобразный оператор, который "перерабатывает" свои объекты в смыслы (знания).

Семиотическое и эпистемологическое понимание связаны между собой функционально: создание новых смыслов осуществляется всегда на базе уже существующих, транслируемых от субъекта к

субъекту посредством языка; созданные же смыслы отображаются в языковые структуры и, в свою очередь, поступают в коммуникативную сеть.

Изложенное ставит под сомнение целесообразность попыток разработки универсальной модели понимания. Философ, методолог, культуролог обречен, по-видимому, на более скромную роль исследователя разнообразных и нередуцируемых структур понимания, исходно определяя последнее как процесс усвоения либо творения смыслов. Ошибочной следует квалифицировать и известную оппозицию "понимание—объяснение". Объяснение — это способ (эпистемологического) понимания, а понимание — результат объяснения. Неудачны также попытки противопоставления понимания, трактуемого как мысленное воспроизведение объекта в его уникальной индивидуализированности, объяснению как операции подведения индивидуального под общее. Такое противопоставление приводит к интуитивизации понимания, к подмене его научного анализа поиском маловразумительных метафор ("вчувствование", "проникновение во внутрь" и т.п.). Между тем понятийное постижение индивидуального — вполне рациональная процедура, описываемая хорошо известной методологией восхождения от абстрактного к конкретному (К. Маркс). Ясно, что понимание не исключает интуитивного, т.е. того, что осуществляется вне дискурса, не осознается и не определяется *explicite*. Однако интуитивное в процедуре понимания — это, скорее, форма, чем содержание. Функция понимания как раз и состоит в переводе интуитивно-практического "предзнания" в подлинное знание, в рациональную модель объекта.

3. Несколько соображений в связи с вопросом об адекватности понимания. Собственно, именно этот вопрос и породил проблему понимания: известно, что главной заботой Шлейермахера, работы которого рассматриваются как начало современной герменевтики, была именно опасность неверного понимания, его "дефектности".

Применительно к коммуникативному пониманию его адекватность (верность, правильность) естественно определить так: субъект X адекватно понимает текст Z, если он связывает с Z то же самое содержание J, что и автор этого текста Y. Однако следует уточнить, что относится к содержанию J текста Z? В соответствии с традициями логико-семантического подхода к анализу содержания текстов выделяют экстенциональный и интенциональный аспекты содержания J.

О необходимости такого различия свидетельствуют известные парадоксы отношения именованности. Приведем формулировку одного из них. Предложение "Георг IV однажды хотел узнать, является ли Вальтер Скотт автором "Вэверлея" — истинно. Однако, если заменить в нем выражение "автор Вэверлея" на имя "Вальтер Скотт",

имеющее тот же экстенционал, что и первое описательное имя, получится явно ложное предложение: "Георг IV однажды хотел узнать, является ли Вальтер Скотт Вальтером Скоттом". Следовательно, существуют контексты, в которых содержание некоторых выражений отличается от их "обычных" денотатов. Это их содержание называют интенционалом. Два языковых выражения, имеющие в экстенциональных контекстах один и тот же денотат, могут иметь разные интенционалы (Г. Фреге). В качестве примера можно привести выражения "утренняя звезда" и "вечерняя звезда", обозначающие одну и ту же планету, но имеющие разные интенционалы в предложениях типа "Мария любовалась утренней звездой", "Над горизонтом появилась вечерняя звезда".

Игнорирование различий между экстенциональным и интенциональным содержаниями текста может, в принципе, стать причиной его неадекватного (дефектного) понимания. Известно, что Шлиман искал местоположение Трои. Однако если кто-либо из историков отдаленного будущего будет утверждать, что Шлиман искал местоположение холма Гиссарлык (хотя холм Гиссарлык и есть местоположение Трои, обнаруженное Шлиманом), то это будет неправильным (неадекватным) пониманием исторических свидетельств о научном подвиге названного исследователя.

Различение интенционального и экстенционального содержания языковых выражений позволяет, как это показал Е. К. Войшвилло, адекватно воспринимать смысл высказываний в случаях воспроизведения так называемых диалектических противоречий⁴. Последние характеризуются в формально-логическом плане приписыванием взаимно несовместимых признаков одному и тому же предмету: $P(x)$ и $\neg P(x)$. Так, логически противоречивыми кажутся высказывания о том, что протоны внутри атомного ядра притягиваются друг к другу и, одновременно, они отталкиваются друг от друга. Однако известно, что протоны притягиваются друг к другу именно как гравитационные массы, а отталкиваются по другой причине — как одинаково (положительно) заряженные частицы. Это означает, что интенциональные содержания одного и того же имени "протон" в приведенных высказываниях различны, и, следовательно, в описании приведенной ситуации можно избежать формально-логического противоречия.

Что касается эпистемологического понимания, то проблема его адекватности легко может быть редуцирована к вопросу об истинности положений, посредством которых определяются понятия об объектах этого понимания (речь идет, естественно, о реальных дефинициях), о правильности научных объяснений, об истинности соответствующих теорий. В общем виде формула адекватности эпистемологического понимания такова: субъект X адекватно понимает

явление Z, если истинна система высказываний, характеризующих его (явления) существенные свойства, его структуру, законы, управляющие им.

Деконструктивизм и в вопросе об истинности (адекватности) демонстрирует девиантность своей методологии, ставя под сомнение, а точнее — отрицая вообще объективность истины. Самое большее, на что может рассчитывать разум в постмодернистских откровениях, так это на временный, легко распадающийся консенсус в рамках столь же эфемерного трайба "единомышленников" и в границах локальной традиции. Это мышление не берет на себя ответственность вставать по отношению к дискурсу (неизбежно "частному" и "местному") во внешнюю позицию, искать иные основания, нежели те, которые может дать сам этот дискурс⁵.

Строго говоря, речь идет об отказе сопоставления текста с миром, понятия с объектом, а потому нет и не может быть объективной истины, аутентичного понимания. "Достаточно сказать, что мы, если вообще понимаем, понимаем иначе"⁶, т.е. каждый обречен понимать на свой лад. А это означает денонсацию самой возможности человеческого понимания. Такова неотвратимая расплата за деконструктивистские игры с разумом.

¹ См.: Фейерабенд П. Избр. труды по методологии науки. М., 1986. С. 162, 159.

² Цит. по: Серль Дж. Р. Перевернутое слово // Вопросы философии. 1992. № 4.

³ Фейерабенд П. Указ. соч. С. 165.

⁴ См.: Войшвилло Е. К., Дегтярев М. П. Логика как часть теории познания и научной методологии. М., 1994. Кн. 1. С. 72.

⁵ Бауман З. Философия и постмодернистская социология // Вопросы философии. 1993. № 3.

⁶ Гадамер Г. Истина и метод. М., 1988. С. 351.

В. А. Артемов

НЕМЕЦКИЕ ИСТОРИКИ ВЕЙМАРСКОГО ПЕРИОДА И РОССИЯ

Одним из свидетельств ставшего реальностью единства Германии является продолжение основанной Э. Винтером в 1958 г. серии документов и монографии по истории Восточной Европы. То, что она издается в разделенном некогда Берлине тоже символично: именно